

циональных особенностей определенного артикля, чей языковой спектр гораздо шире, чем у неопределенного. Артикль может выполнять:

1. **Морфологическую функцию**, заключающуюся в том, что он является показателем имени существительного или является средством субстантивации других частей речи, поскольку связан только с существительным:

véos (молодой), οι νέοι (молодежь);

To va kapnízeis éinaí blaferó. Курение - вредно.

2. **Синтаксическую функцию**, которая проявляется в следующих случаях:

1) Артикль определяет левую границу атрибутивного словосложения:

«Φρόντισε να την συναντήσει, να της μιλήσει, να δώσει στην παλιά τους γνωριμία μα νέα μορφή, τη μορφή ενός βαθιού, ευγενικού αισθήματος» [13, с.144];

2) Артикль может выполнять роль связывающего элемента – выражать анафорическую или предвещающую связь. Так в предложении «Συνάντησα ξανά τους ηθοποιούς που μου γνώρισες χτες.» наличие артикля создает коррелятивную связь между главной и придаточной частью.

3. **Связующая функция артикля** может выхлупить за рамки одного предложения. Так, в предложениях «Χτες είδαμε ένα έργο»(1) «Το έργο ήταν πάρα πολύ ωραίο»(2) определенный артикль перед словом «έργο» во втором предложении соотносит его со словом «έργο» в первом предложении, указывая, что речь идет об одном и том же фильме. В этих случаях артикль играет роль одного из средств связи предложений друг с другом в строе контекста.

4. **Семантическая функция артикля**, заключающаяся по мнению С.Д. Канцельсона [6, с.40], главным образом в актуализации понятия, когда артикль соотносит то или иное понятие с действительностью, представленной в данном тексте (текст – любое высказывание, независимо от его объема и содержания). Следует отметить, что текст актуализирует языковые единицы. В предложении «Αυτός είναι εδώ» элемент *εδώ* указывает на место, известное собеседникам. В отрыве от текста эти единицы (*αυτός, είναι, εδώ*) не имеют соотношенности с действительностью. Актуализация, возникающая при употреблении артикля, отличается тем, что она отражает субъективное задание говорящего (пишущего). Как справедливо замечает С.Д. Канцельсон, форма числа также является способом актуализации существительного и этот способ всегда объективен: мы не можем употребить форму множественного числа, говоря об одном предмете и наоборот. Артикль же избирается согласно ситуации [4, с.31].

Основные выводы по данной работе можно сформулировать следующим образом:

1) Артикль в греческом языке является служебным словом и используется в качестве детерминатива существительного. В отличие от других служебных слов (союзов, предлогов), он обладает большим семантическим потенциалом, в основе которого лежат две основные семы: у неопределенного артикля – номинативная (называющая), у определенного артикля – демонстративная (указательная).

2) Артикль выполняет ряд важных функций в языке, причем функциональная нагрузка лежит больше на определенном артикле на таких языковых уровнях как синтаксис и семасиология.

Источники и литература

1. Бархударов Л.С. Очерки по морфологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1975. – 156с.
2. Bloch M.J. A Course in Theoretical Grammar. – М.: Higher School, 1983.- 383р.
3. Винокурова Л.П. Грамматика английского языка. – Л., 1954.
4. Иванова И. П. Бурлакова В.В., Почепцов Г.Г. Теоретическая грамматика современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1981. – 285с.
5. Ильиш Б.А. Наблюдение над родным языком при изучении иностранного // Ученые записки ВИИЯ. – М., 1956.
6. Канцельсон С.Д. Типология языка и речевое мышление. – Л., 1972.
7. Корнеева Е.А. Пособие по морфологии современного английского языка. – М.: Высшая школа, 1974.
8. Μανόλης Τριανταφυλλίδης. Νεοελληνική Γραμματική. – Αθήνα, 1993. – 252σ.
9. Μέλης Νικολαΐδης. Μορφές Αγάπης (Διηγήματα). – Λευκοσία, 1996. – 172σ.
10. Разинкина Н.М. Функциональная стилистика английского языка. – М.: Высшая школа, 1989. – 180с.
11. Рытова М.Л. Новогреческий язык. – С.-Петербург, 1994. – 393с.
12. Шантрен П. Историческая морфология греческого языка. – М., 2001. – 340с.
13. Шендельс Е.И. Грамматика немецкого языка. – М., 1954. – 366с.

Петренко Д.А.

ЯЗЫКОВАЯ СИТУАЦИЯ В ГЕРМАНИИ С ТОЧКИ ЗРЕНИЯ ФУНКЦИОНАЛЬНОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ДИФФЕРЕНЦИАЦИИ

Актуальность данной работы определяется все возрастающим интересом лингвистов к проблемам языковой вариативности, которая непосредственным образом связана с социальными явлениями. Как отмечает О.Е.Семенец, "любой язык обслуживает конкретное языковое сообщество, которое представляет собой совокупность людей, владеющих в той или иной мере данным языком" [1, 8].

Одной из центральных **задач** социолингвистики является анализ функциональных особенностей языка применительно к конкретной языковой ситуации. Функциональные возможности языка всегда связы-

вают с его ролью в конкретном обществе, исполнением им своих задач в различных социальных сферах. Языковая ситуация представляет собой взаимодействие языков и различных форм его существования в процессе обслуживания ими всех социальных сфер жизни того или иного народа.

В лингвистике распространилось мнение, согласно которому языковая ситуация - составная часть многогранной структуры социальных отношений в рамках того или иного общества. По мнению В.А.Аврорина, языковую ситуацию характеризует взаимодействие многочисленных условий и элементов, составляющих ее структуру и располагающихся на разных уровнях. К важнейшим из них относят реальные социально-исторические условия. Сферы жизнедеятельности народа, их набор и характер могут меняться вследствие исторических и социальных процессов. Все это немедленно отражается на характере форм существования языка и приводит к изменениям в языковой ситуации [2, 6-12].

С точки зрения функциональной стратификации современный немецкий язык представляет собой иерархически организованную и исторически сложившуюся систему различных форм его существования. Традиционно к ним относят литературный (или стандартный) язык, разновидности обиходно-разговорного языка и местные диалекты. Подобная дифференциация опирается не только на исторический опыт развития немецкого языка, но и полностью отражает реальную языковую ситуацию современной Германии и других немецкоязычных государств.

Осуществляя в процессе коммуникации разные функции, формы существования немецкого языка находятся в его функциональной системе в отношении взаимодополнения. Как полагает Н.И.Филичева, они исследуются в качестве отдельных моносистем в известной абстрагированности от макросистемы в целом [3].

Современный немецкий язык функционирует как средство общения в нескольких государствах, имеет полинациональный характер и используется реально в виде нескольких национальных вариантов. Поэтому структура функциональной системы немецкого языка в основных странах его распространения, состав и характер объединяемых ею форм существования языка, а также социальный статус последних обнаруживают четкую дифференциацию, обусловленную спецификой общественного развития в том или ином немецкоязычном государстве и исторически сложившейся в нем конкретной языковой ситуацией.

При описании коммуникативных норм использования форм существования немецкого языка и языковой ситуации в немецкоговорящих странах используется понятие диглоссии, введенное Ч.Фергюсоном. Под этим понятием рассматривается функциональная дистрибуция форм существования, из которых одна занимает верхний, а другая низший ступень в коммуникативной системе определенной языковой общности. Как отмечает В.Беш, функциональная дистрибуция форм существования в странах немецкого языка обнаруживает различия, проявляющиеся в разной профилированности и в разной стабильности [3, 55]. Можно согласиться с Н.И.Филичевой, что языковую ситуацию в немецком ареале характеризует расширение социальной базы литературного языка [3, 34]. Тем не менее, вряд ли можно с полной уверенностью утверждать, что в использовании других форм существования немецкого языка проявляется т.н. "коммуникативная несостоятельность". Действительно, во многих социальных сферах диалект не может выступать в качестве единственного коммуникативного средства, хотя он используется многими носителями языка. По мнению Р.Герман-Винтер, посредством смены языковых средств - от литературных до диалектных - говорящему удается воздействовать на коммуникативного партнера, привлечь его внимание, заинтересовать, он апеллирует к чувствам последнего, старается добиться положительного отношения к своим мыслям и высказываниям [4, 159].

За последние десятилетия подверглось существенному уточнению центральное теоретическое понятие - "литературный язык". Длительное время оно отождествлялось с понятием "национальный язык". С литературным языком связывалось представление лишь о литературном языке периода становления нации, поэтому он отождествлялся с понятием национального языка. Многие немецкие языковеды вообще не выделяли понятия "национальный язык", а для обозначения литературного языка эпохи становления нации пользовались терминами "письменно - литературный язык" (Schriftsprache), "единый язык" (Einheitssprache), "литературная языковая норма" (Hochsprache, Kultursprache). С начала 70-х годов между этими двумя понятиями и обозначаемыми ими явлениями проводится все более четкое различие. Впервые это было сделано в работе М.М.Гухман "Литературный язык" [5].

В отличие от литературного языка национальный язык представляет собой не одну из форм существования языка, а определенный исторический этап в развитии всех форм его существования. Национальный язык характеризуется иерархической структурой: его ядро образует национальный литературный язык, периферию составляют территориальные диалекты, а в большую промежуточную зону между ними входят разнообразнейшие наддиалектные формы языка, например, разговорный язык.

Таким образом, двумя полюсами ряда вариаций являются диалект и стандартная вариация - *литературный язык*. Литературный язык является одной из форм существования языка наряду с территориальными диалектами, полудиалектами и разновидностями обиходно-разговорного языка. Главными чертами, характеризующими литературный язык являются его поливалентность, стилевое многообразие, отбор и регламентация языковых средств и наддиалектная специфика.

В основе системы немецкого языка располагаются территориальные диалекты, разновидность которых представляет собой на сегодняшний день довольно широкую палитру. Диалекты могут использоваться говорящими и за пределами зоны своего распространения. Как подчеркивает А.И.Домашнев, чем шире лингвосоциум, обслуживаемый диалектом, тем он более неоднороден и тем многообразнее прагматические задачи, которые решаются коммуникантами в процессе речевой деятельности. Следствием этого является появление новых вариаций - полудиалектов (*Verkehrssprachen*), обиходно-разговорных языков

(*Alltagssprachen*) и т.д., вплоть до литературного языка [6].

Языковые формы, располагающиеся в пространстве между территориальными диалектами и литературным языком, образуют особую разновидность языка, которую чаще всего определяют как *разговорный язык*. Ввиду того, что разговорный язык с трудом поддается точному определению и вычленению, возникает противоречивость его трактовки и определений.

Определение понятия немецкого разговорного языка (*Umgangssprache*) не раз подвергалось систематизации в немецкой лингвистической литературе. Так, например, Й.Радтке приводит 20 терминов, которые используются для определения этого явления. Нетрудно заметить, что все трактовки разговорного языка связаны, прежде всего, с различными дефиниционными подходами. С одной стороны, это критерии социолингвистического характера: *Geschäftssprache*, *Arbeitsprache*, *gemeinsame Verkehrssprache*, *gebildete Umgangssprache*, *Durchschnittssprache*. С другой стороны, на передний план выдвигаются их региональные особенности: *landschaftliche Umgangssprache*, *regionale Gemeinsprache*, *Gegendsprache* [7].

Важной особенностью языковой ситуации в немецкоговорящих странах является значительное расширение употребления обиходно-разговорного языка во всех его разновидностях, от сближающихся с диалектом до приближающихся к литературному языку. Региональный вариант обиходно-разговорного языка в процессе коммуникации нередко приобретает особую функциональную нагрузку. Так, Г.Шенфельд, исследовавший сферы применения берлинского варианта обиходно-разговорного языка на промышленных предприятиях Берлина, показал, что берлинский полудиалект нередко используется в контактоустанавливающей и эмоциональной функциях. Например, представители руководства предприятия, которые в деловой обстановке говорят на литературном языке, в индивидуальных беседах с рабочими в целях создания непринужденной товарищеской атмосферы сознательно применяют берлинский полудиалект.

Действие регионального фактора носит в языке четко выраженный дивергентный характер. Однако это препятствует осуществлению его главной функции - коммуникативной, поскольку противоречит тенденции к интеграции общества по мере развития его социальных, культурных, экономических и политических структур. В любом языке отмечаются поэтому центростремительные тенденции, ведущие к формированию надрегиональных форм, что диктуется всей логикой развития общества.

Социолингвистические исследования последних десятилетий значительно обогатили представления о зависимости языковых структур от региона их распространения. Они показали, что региональный фактор неотделим от социального и является вместе с диахроническим "источником лингвистической вариативности, которая служит базой для "социализации" языкового варьирования" [8, 61].

Изучение, так называемых, групповых языков свидетельствует о тесном переплетении (*Ineinandergreifen*) территориальных и социальных факторов при формировании таких языковых образований, как местные и городские языки [9,13]. Это наблюдение можно считать отражением принятого в социологии положения о том, что социальные группы, классы, слои и т.п. нельзя описать без учета их регионального положения, которое в значительной степени определяет специфику социального структурирования [10,15].

Современная языковая ситуация в Германии представляет собой сложное явление, включающее в себя факты социально-исторического развития, получивших отражение в структуре немецкого языка, формах его существования. Социальная стратификация языка представляет собой, наряду с социальной дифференциацией общества, многомерное образование, функционирующее в различных измерениях. Как уже часто отмечалось в исследованиях по социолингвистике (Лабов, Швецер, Петренко), для данной структуры характерно противопоставление двух плоскостей социально обусловленной вариативности языка - *стратификационной* и *ситуативной*.

В качестве основных единиц стратификационной вариативности языка рассматривают *языковые коллективы*, представляющих собой совокупность социально взаимодействующих индивидов, которые обнаруживают определенное единство языковых признаков. Впервые эта точка зрения получила систематическое развитие в трудах Е.Д.Поливанова о фонетических признаках социально-классовых диалектов и, в частности, русского стандартного языка; В.М.Жирмунского о роли национального языка и социальных диалектов, а также В.Д.Бондалетова об условно-профессиональных языках русских ремесленников и торговцев [11]. Свое дальнейшее развитие данные проблемы нашли в трудах Ю.А.Жлуктенко, А.И.Домашнева, О.Е.Семенца, А.И.Чередниченко, Н.И.Филичевой, О.Б.Ткаченко и других лингвистов.

Исследования вариантов современного немецкого языка, связанных с действием социальных факторов, требуют принимать во внимание региональные факторы, проявляющиеся в речевом поведении носителя языка. Данные факторы могут проявляться как при анализе разговорных форм, так и стандартных. Региональные особенности говорящих сказываются прежде всего в рамках ситуативной вариативности. В зависимости от ситуации общения говорящие допускают большее или меньшее число диалектных реализаций. Для установления и идентификации подобных фактов, целесообразно использовать различные источники диалектных вариантов, включающих в себя не только исследования по диалектологии немецкого языка (работы В.М.Жирмунского, М.М.Гухман, А.Баха, Н.И.Филичевой, О.И.Москальской, А.И.Домашнева, В.М.Бухарова, Н.Brinkmann, J.Goossens, M.Hornung, H.Protze, H.Rizzo-Baur и др.), но и имеющиеся в распоряжении лингвистов т.н. атласы немецких диалектов, как, например: *Deutscher Sprachatlas*. - 23 Lieferungen. - Marburg, 1927-1956; L.F.Weifert, *Deutsche Mundarten*. - J.F.Lehmanns-Verlag. - München, 1964-1965; Н.-Н.Вängler, *Atlas deutscher Sprachlaute*. - Akademie-Verlag. - Berlin, 1974.

Функционально-типологическая характеристика диалекта также включает социолингвистический

признак соотносительности диалекта с определенными социальными и возрастными слоями общества. По мнению М.М.Гухман, социальная база диалекта, как и социальная база литературного языка, - категории исторические, причем широта первой обратно пропорциональна широте второй [5]. Поэтому, вопрос о соотносительности носителей диалекта с определенным социальным слоем требует конкретно-исторического рассмотрения. Вряд ли можно утверждать, отмечает В.М.Бухаров, об однозначном и прямолинейном соответствии между носителем диалекта и социальным слоем общества. По мнению автора, функционирование как литературного языка, так и диалекта в малой степени связано с теми или иными слоями общества [12, 138]. Несмотря на то, что среди носителей диалекта большинство составляют жители сельской местности, отсутствуют основания для абсолютного отождествления, например, крестьян и носителей языка. По мнению Н.И.Филичевой, соотношение социальных слоев с формами существования языка нельзя, тем не менее, упрощать [3].

В исследованиях языковой ситуации в немецкоговорящих странах лингвисты часто отмечали, что диалектами пользуются низшие слои общества - крестьяне, фермеры, производственные рабочие, мелкие ремесленники и служащие, обладающие низким культурно-образовательным уровнем, тогда как к числу носителей литературного языка относили средние и высшие слои общества - чиновников, политических и государственных деятелей, отличающихся высоким уровнем образования. Сомнительность подобных утверждений не раз подвергалась критике в лингвистической литературе. Так, например, Г.Леффлер подчеркивал, что в Швейцарии и Австрии диалект используется представителями средних и высших слоев в качестве основного средства общения в сфере общественной жизни [13]. На этот факт обращает внимание и Н.И.Филичева, рассматривавшая специфику функционирования немецкого языка в Австрии и Швейцарии [3, 54-70]. Социально - коммуникативный статус местных диалектов в Швейцарии заметно отличается от его роли в других немецкоговорящих странах. Используемые в Швейцарии диалекты представляют собой поддиалекты единого алеманского диалекта. В силу относительной целостности своей структуры алеманский диалект выполняет функции обиходно - разговорного языка (*Schwyzertütsch*) и употребляется всеми жителями государства без каких-либо социальных и возрастных ограничений.

Сравнивая степень распространения и статус диалектов в Швейцарии и в Германии, В.Шенкер отмечает, что если в Германии местный диалект может явиться препятствием в социальном продвижении, то в Швейцарии, напротив, незнание диалекта может привести к социальным затруднениям [14, 98]. Подобное можно отнести и к характеристике языковой ситуации в Австрии. Так, например, П.Визингер подчеркивает, что языковая ситуация в этой стране имеет заметное сходство с южнонемецким субареалом, поскольку в Австрии также наблюдается расслоение устной речи в зависимости от социальных и ситуативных факторов, выделение в ней нескольких пластов, имеющих разное коммуникативное назначение и разную степень престижности [15]. Тем не менее, сфера употребления диалекта в процессе общественной коммуникации не всегда ограничивается рамками повседневно - бытового общения. Ему принадлежит важная роль и как средству публичной речи: он используется в федеральных (Германия) и кантональных (Швейцария) советах, различных союзах, клубах. К нему часто прибегают и политики в целях установления коммуникативного контакта и соответствующей психологической атмосферы с аудиторией.

Ряд исследователей обращает также внимание на тот факт, что степень использования литературного языка или диалекта, может быть дифференцирована и по признаку пола. И.Тэлдеман было установлено, например, что во Фландрии женщины больше соблюдают нормы стандартного языка в области произношения, чем мужчины [16].

В 1990 году Л.Якобс провел опрос среди 400 молодых фламандцев, студентов государственного университета в Генте, с целью выяснения факта использования в обиходном общении дома местного диалекта. 50,5% мужчин и лишь около 30% информантов-женщин ответили на этот вопрос утвердительно. При этом 49% женщин заявили, что не стали бы использовать местный диалект даже в быту. У мужчин количество ответивших таким образом составило 28%. Автор указывает на парадокс, при котором родители вынуждены общаться на литературном языке больше с дочерьми, чем с сыновьями [17].

Голландским лингвистом И.Тэлдеманн было проанализировано речевое поведение информантов-мужчин и женщин в плане использования местного диалекта в различных ситуациях общения с разными партнерами во Фландрии (города Ронс, Мол, Асснед) и в Нидерландах (города Валкенсворд и Вестдорп) [18]. Автором осуществлен анализ речевого поведения мужчин и женщин, проживающих в местностях, где употребление местного диалекта довольно распространено. Кроме этого, учитывалась ситуация общения информантов при постепенном переходе от непринужденной речи к более корректной (*"ranging from informal to formal"*). На основе своих наблюдений авторы сделали вывод о том, что мужчины в большей степени используют в речи формы местного диалекта чем женщины.

Лингвистами отмечался также тот факт, что использование диалекта и литературного языка может быть связано с возрастом говорящих. Я.Госсенс отмечает, например, что процент говорящих, использующих в повседневном общении литературный язык, более высок в среде младшего и среднего поколений, а среди людей старшего возраста в этой же сфере выше процент говорящих на диалекте [19]. При этом в пределах того или иного социального слоя отмечается дифференциация в зависимости от возрастной группы населения. Согласно наблюдениям автора, в нижнегерманских регионах Германии подавляющая часть носителей языка, принадлежащих к старшему поколению, пользуется в обиходно-бытовом общении диалектом, в то время как молодые люди используют в качестве средства общения обиходно-разговорный язык. Во многих немецких городах население практически не пользуется местными диалектами, предпочитая им соответствующую форму городского обиходно-разговорного языка. Это связано с процессами миграции и смешения населения, обусловленными поисками работы или учебой в университетах, что

приводит к необходимости пользоваться в обиходном общении такой универсальной формой языка, которая в большей степени соответствует требованиям современной жизни. В этой роли и выступает обиходно-разговорный язык.

Выводы. Как показывает анализ лингвистической литературы по проблеме функциональной и социальной дифференциации современного немецкого языка, данные вопросы далеко не полно изучены в современном языкознании. Это касается не только характеристики форм существования языка в процессе их формирования и развития, но и связи с реальной действительностью в плане соотношения с определенными социальными слоями, возрастными группами и ситуациями общения. Социально обусловленные различия в функционировании современного немецкого языка продолжают интересовать языковедов и социологов, поскольку отношения между социальными слоями и формами существования языка носят сложный и деликатный характер.

Источники и литература

1. Семенець О.Є. Соціолінгвістична типологія варіантів поліетнічної мови // Мовознавство. - К., 1986. - С.8-14.
2. Аврорин В.А. Проблемы изучения функциональной стороны языка. К вопросу о предмете социолінгвистики. - Л.: Наука, 1975. - 276 с.
3. Филичева Н.И. Немецкий литературный язык. - М., 1992.
4. Hermann-Winter R. Studien zur gesprochenen Sprache im Norden der DDR (Soziolinguistische Untersuchung im Kreis Greifswald). - Berlin: Akademie-Verlag, 1979. - 269 S.
5. Гухман М.М. Литературный язык // Общее языкознание. Формы существования, функции, история языка. - М., 1970.
6. Домашнев А.И. Современный немецкий язык в его национальных вариантах. - М., 1983.; Концепция национального варианта литературного языка (Из опыта научного сотрудничества российских и украинских лингвистов) // Мови європейського культурного ареалу. Розвиток і взаємодія. - К.: Довіра, 1995. - С.136-150.
7. Radtke I. Die Umgangssprache // Muttersprache. - Nr. 3, 1973.
8. Степанов Г.В. Язык. Литература. Поэтика. - М., 1988.
9. Dittmar N., Schlieben-Lange B. Stadtsprache // Sprache der Gegenwart. Bd. 56. - Düsseldorf, 1982.
10. Mattheier K. J., Besch W. Ortssprachenforschung. Einleitende Bemerkungen // Ortssprachenforschung. - Berlin, 1985.
11. Поливанов Е.Д. О фонетических признаках социально-классовых диалектов и, в частности, русского стандартного языка // Избранные работы. Статьи по общему языкознанию. - М.: Наука, 1968. - 376 с.; Бондалетов В.Д. Условно-профессиональные языки русских ремесленников и торговцев. Автореф. дисс. ...докт. филол. наук. - М., 1966. - 28 с.; Жирмунский В.М. Национальный язык и социальные диалекты. - Л.: ГИХЛ, 1936. - 299 с.
12. Бухаров В.М. Варианты норм произношения современного немецкого литературного языка. - Н.Новгород, 1995. - 138 с.
13. Löffler H. Probleme der Dialektologie. Eine Einführung. - Darmstadt, 1974.
14. Schenker W. Schweizerdeutsch als Model. Zum Terminus Dialekt. - Wirkendes Wort. - H. 2. - 1973.
15. Wiesinger P. Die Entwicklung des Verhältnisses von Mundart und Standardsprache in Österreich // Sprachgeschichte. - Hrsg. Von W.Besch, O.Reichmann. - Berlin, New York, 1984.
16. Taeldeman J. Linguistic Sex Differentiation in Flanders // W. Viereck, ed. 1995. Proceedings of the International Congress of Dialectologists. Bamberg, 29.07.1990 - 04.08.1990. - Vol. 4. - Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. - Beiheft 77, Stuttgart, 1995.
17. Jacobs L. Kennis en gebruik van de Nederlandse taalvarieteiten bij R. U. G. - studenten., 1990.
18. Taeldeman J. Linguistic Sex Differentiation in Flanders // W. Viereck, ed. 1995. Proceedings of the International Congress of Dialectologists. Bamberg, 29.07.1990 - 04.08.1990. - Vol. 4. - Zeitschrift für Dialektologie und Linguistik. - Beiheft 77, Stuttgart, 1995.
19. Goossens J. Deutsche Dialektologie. - Walter de Gruyter, Berlin, New York, 1977.